

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-182-191

**КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В
ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТОВ *****Е.М. ГОРЮШИНА**

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: esherder@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет обзор ряда исследований, посвященных Кавказу как региону конфликтов. Работа опирается на преимущественно зарубежные источники, что позволяет выделить основные проблемные точки восприятия Кавказа иностранными экспертами и определить существенные исследовательские пробелы. Затрагиваются религиозный фактор, противоречивые отношения между федеральным центром и постсоветскими республиками региона после распада СССР, специфика анклавизации Северного Кавказа. Выявлено, что в зарубежных исследованиях регион, как правило, ассоциирован с единым полем перманентного насилия и политической нестабильности без учета внимания к изучению глубинных причин эскалации конфликтов. Фокус смещен либо на социально-экономическую компоненту, либо на аспект террористической деятельности и контртеррористической борьбы. С точки зрения иностранных исследователей одним из важнейших конфликтогенных факторов в регионе является антагонизм христианства и ислама, что затрудняет налаживание диалога и объективную оценку исторических событий. Латентный характер социально-политических настроений в национальных республиках Кавказа требует внимательного рассмотрения в рамках единого кавказского макрорегиона без дифференциации на Северный или Южный Кавказ, обращения к историческому прошлому и самым его «чувствительным» точкам.

Ключевые слова: Кавказ; конфликт; Северный Кавказ; Южный Кавказ; политическая нестабильность.

**CONFLICT POTENTIAL OF THE CAUCASUS REGION IN EVALUATION
OF WESTERN EXPERTS****E.M. GORYUSHINA**

*Federal Research Center Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences
340006, Rostov-on-Don, Chekhov Avenue, 41
E-mail: esherder@gmail.com*

* Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).

Abstract. The article provides an overview of several studies on the Caucasus as a conflict region. The work relies on foreign sources mainly, which allows us to identify the major perception issues of the Caucasus by foreign experts and indicate significant research gaps. The religious factor, contradictory relations between the federal center and the post-Soviet republics of the region after the collapse of the USSR, the specifics of the enclaves of the North Caucasus are touched. The foreign studies reveal that the region is usually associated with a field of permanent violence and political instability without taking into account attention to the study of the underlying causes of the conflicts' escalation. The focus is shifted either to the socio-economic component, or to the aspect of terrorist activity, as well as counter-terrorism. From the point of view of foreign researchers, one of the most important conflict factors in the region is the antagonism of Christianity and Islam making it difficult to establish a dialogue and an objective assessment of historical events. The latent nature of socio-political attitudes in the national republics of the Caucasus requires careful consideration within the framework of a single Caucasian macroregion without differentiation into the North or South Caucasus, turning to the historical past and its most "sensitive" points.

Keywords: Caucasus; conflict; North Caucasus; South Caucasus; political instability.

Кавказский регион традиционно считается древнейшим очагом цивилизации и одним из наиболее проблемных ареалов постсоветского пространства, отличающимся неравномерным социально-экономическим развитием. В силу своего уникального географического положения Кавказ неоднократно становился объектом экспансии на протяжении веков. Степи кочевников различного происхождения на северо-западе, страна персидских гор на юго-востоке и турецкие возвышенности на юго-западе обеспечивали внешнее воздействие на культуру региона, одновременно сохраняя внутри кавказского общества неприятие и нетерпимость «чужого», которое зачастую трактовалось в качестве опасного и враждебного.

Многочисленные кавказские народы изначально специализировались в коневодстве и сельском хозяйстве, что требовало освоения равнинной местности. Благодаря регулярным вторжениям значительное развитие получило военное искусство, что в конечном итоге способствовало их перемещению в горы [Minahan 2009: 11]. Как отмечает М. Гаммер, эксперт по религиозно-политической истории Северного Кавказа, именно под влиянием этого фактора было сформировано современное кавказское общество, отличающееся сочетанием племенных порядков (взаимные социальные права и обязательства), неформальных правил и периодическим обращениям к шариатским предписаниям [Gammer 2007: 20]. Подобный гибридный механизм из формальных и неформальных институтов кавказского общества обусловил его разнообразие, но в то же время надолго обеспечил существование проблемного поля для многих исследователей.

Отмечается проблема мозаичности сведений о значительном историческом периоде развития Кавказа и религиозных течений в регионе в условиях советской и постсоветской власти, по-разному представленных в российских и иностранных исследованиях. В отечественном политологическом и историческом пространстве по данной проблематике выделяются работы В. Бобровникова, А.А. Ярлыкапова, В.Х. Акаева, С.В. Сиражудиновой, А.Р. Шихсаидова, М.В. Вагабова (особенно вопросы научного атеизма) и др.

Среди зарубежных авторов особого внимания заслуживают исследования Р.Б. Уэра и Э. Кисриева, Я. Роя, П.Б. Хенца, Д. Дивис, А. Беннигсена и др.

Если в географическом плане Кавказ представляет собой целостный регион, то в политическом – он подразделяется на республики Северного Кавказа – субъекты Российской Федерации, и государства Южного Кавказа (Закавказья), имеющие непростой опыт преобразования в нации-государства в мае 1918 г., вслед за двумя революциями и крушением Российской Империи. Создание «первых республик» так же оказало значительное влияние на политическое развитие региона и его историческую память, заставляя реактуализировать многие нерешенные проблемы спустя столетие. Сформировавшиеся в своем нынешнем виде пограничные споры и этнические конфликты на Кавказе были инициированы именно в то время¹.

Из-за отсутствия сильной государственности на Кавказе религия стала определяющей характеристикой многих местных народов наряду с тем фактом, что данный регион исторически служил границей между русскими православными на севере и мусульманскими народами на юге. Это также усилило многие противоречия на Кавказе. В связи с чем профессор университета Старого Доминиона О. Джерсилд обращает внимание на период проникновения Османской империи на Северный Кавказ, в течение которого широко использовались местные христианские народы для борьбы с Портой [Jersild 2000: 518]. Столь символическое противостояние между исламом и христианством спровоцировало укрепление антагонизма в кавказской культуре с точки зрения американского историка.

К девятнадцатому столетию Россия установила контроль над Кавказом, и последующие взаимоотношения имперского центра и местного общества не раз были испытаны на прочность. В этом вопросе чрезвычайный интерес вызывают рассуждения известного автора Дж. Минахана: «...отношение Российской Империи ко вновь завоеванным мусульманским республикам может быть проиллюстрировано *депортацией* 40 тысяч чеченцев в 1865 году на территорию Османской империи в ответ на восстание» [Minahan 2009: 7]. Опровержением этому могут служить слова известного русского военного историка Д.А. Милютин: «...чеченцы, всегда отличавшиеся легкомысленностью, склонностью к увлечениям, не могли переродиться разом и поэтому требовали еще зоркого внимания со стороны русской администрации. Так, в мае 1865 года чуть было не возникло волнение в нагорной части Ичкерии. Какому-то пастуху деревни Хорочой по имени Таза вздумалось выдать себя за имама и призвать окрестное население на общий сбор для изгнания неверных. Попытка эта была подавлена немедленно с помощью самого же населения. По распоряжению начальников Ичкеринского и соседних округов быстро собрались местные милиции и рассеяли шайку,

¹ Маркедонов С.М. Южный Кавказ: актуальная история и ее уроки. 26.05.2016 // Международное информационное агентство и радио Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-georgia.ru/opinion/20160526/231856251.html> (дата обращения: 09.04.2018).

собранный новым фанатиком, который сам был схвачен и представлен русскому начальству...» [Ибрагимова 2009].

Согласно отдельным работам, в том числе по сведениям исследователя З.Х. Ибрагимовой, в 1865 году изъявили желание уйти 1,500 семей карабулак (одно из чеченских обществ, проживавшее на западе Чечни, на границе Ингушетии) и 3502 семей чеченцев. Всего же насчитывалось 22490 человек. За весь период переселения покинули свою историческую родину и переехали в Турцию около 100 тысяч чеченцев и ингушей [Ибрагимова 2009].

Заметна не только противоречивая природа социально-политических и религиозных процессов в кавказском регионе, но и их интерпретация в зарубежных и отечественных источниках, что до сих пор отрицательно сказывается на формировании «исторических узлов» памяти вокруг Кавказа. Известно, что после прихода к власти партии большевиков религиозный вопрос в регионе был практически полностью нивелирован и находился в подавленном состоянии вплоть до распада СССР. Подобная точка зрения широко распространена в работах зарубежных авторов, оставляя существенный пробел в вопросе изучения специфики Кавказа, делающей его противоречивым регионом. С одной стороны, это подтверждают и отечественные историки: «Если царская Россия практически не вмешивалась в сферу исламской ритуальной практики, образования, отчасти судебной системы (сохранение мечетей, медресе, школ, шариатских судов), то новая общественно-экономическая формация, начало которой было положено в октябре 1917 г., довела до минимальной черты позиции ислама и полностью вывела его из всех сфер общественной жизни» [Шихсаидов 1999:5]. С другой – местные специалисты отмечают, что, несмотря на репрессивные действия советских властей, в отдельных мусульманских школах нескольких селений Дагестана (особенно в аварских, даргинских и кумыкских районах) тайно осуществлялось религиозное обучение.

Начиная с конца 1980-х гг. по настоящее время кавказский регион продолжает переживать возрождение ислама. Именно количество строящихся мечетей на Кавказе является индикатором возрастающего интереса к исламскому культу. Принятый в 1990 г. Верховным Советом СССР и одноименный республиканский закон (май 1991 г.) «О свободе совести и религиозных организациях» вкупе ознаменовали собой новый этап возрождения ислама в стране. «После принятия этих законов были вновь открыты многие культовые сооружения. К июлю 1995 г. в Дагестане было уже 1270 мечетей, из них более 850 зарегистрированы официально. При мечетях было организовано 650 школ и групп по обучению молодежи основам ислама <...>. В апреле 1998 г., по данным Управления Правительства Республики Дагестан по делам религий, в Дагестане функционировало 1670 мечетей, 9 церквей, 4 синагоги, 670 примечетских школ, 25 медресе, 9 мусульманских высших учебных заведений. К апрелю 1998 г. в республике действовало более 20 тарикатских братств, наблюдался повышенный интерес к “святым местам”» [Шихсаидов 1995: 6]. Согласно исследованию В. Бобровникова, к 1999 г. в

Дагестане было построено 1670 мечетей, 400 – в Ингушетии, 96 – в Кабардино-Балкарии и 150 – в Карачаево-Черкесии [Bobrovnikov 2001: 12].

Распад СССР способствовал фрагментации Духовного управления мусульман (ДУМ) и ослаблению его дальнейшей роли в жизни кавказского региона в течение последующего времени. Будучи созданным в 1940-х гг., ДУМ оказался расколот летом 1992 г., что в свою очередь спровоцировало попытку создания единой общекавказской общественно-политической структуры и восстановления Горской республики на III съезде горских народов Кавказа. Все это сопровождалось процессами самоопределения и усиления сепаратистских настроений, наиболее остро проявляющихся на Кавказе.

В постперестроечный период кавказский регион характеризовался политической нестабильностью, сопровождающейся одновременно острой конкуренцией между двумя ключевыми лидерами российских мусульман – Т. Таджудином и Р. Гайнутдином, продолжавшейся вплоть до начала президентства В. В. Путина. Существенные различия между кавказской и поволжской татаро-башкирскими общинами сыграли ключевую роль в осознании федеральной властью невозможности совершения выбора одного самого важного муфтия [Сызранов 2013: 16]. Только к 2004 г. удалось создать «Объединенный совет духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму» путем совместного подписания заявления Р. Гайнутдина, Т. Таджудина и И. Бердиева (председателя Координационного центра мусульман Северного Кавказа). Подобный шаг был продиктован еще и острой необходимостью снизить темпы распространения ваххабизма на Кавказе – исламского радикального движения, постулаты которого были использованы в риторике сепаратистов и террористов [King 2008: 127].

Поэтому Кавказ, особенно его северная часть, зачастую ассоциируется с негативными факторами, а именно – конфликтами, рисками сепаратизма, радикализации и политической нестабильностью. Такая точка зрения отражена на страницах отдельных зарубежных исследователей, не располагающих знанием местных или русского языков.

В связи с чем требуется более детальное рассмотрение Северного Кавказа как части кавказского региона. Необходимо выделить ряд факторов, оказавших влияние на развитие представления о комплексной нестабильности и, как следствие, анклавизации региона. Отношения по оси Москва – Кавказ и их асимметрия явились определяющим фактором, очертившим конечную картину формирования затяжной политической и экономической депривации Северного Кавказа как региональной системы.

Дополнительными и значительными внутрирегиональными детерминантами также явились: нарастающая террористическая активность, реорганизация Имарата Кавказ, усиливающаяся зависимость республик от федерального бюджета Российской Федерации и процесса принятия политических решений в федеральном центре. К тому же активизация у границ Северного Кавказа различных зарубежных платформ кооперации и международных неправительственных инициатив в постперестроечный период

повлекли за собой рост напряженности на геополитическом уровне, подозрение со стороны российских спецслужб (и, соответственно, рост недоверия к ним наряду со стремительным сокращением миротворческих кампаний на Северном Кавказе) и возможность проникновения внерегиональных акторов на территорию северокавказских республик.

Принимая во внимание все видимые достоинства федерализма, становится ясно, что динамичная анклавизация Северного Кавказа ставит под сомнение эффективность этнофедеративной системы в виде многочисленных моноэтнических и полиэтнических республик рассматриваемого региона, которая в итоге может оказаться контрпродуктивной и, напротив, при определенных обстоятельствах вызвать и усугубить этнические конфликты, а также напрямую повлиять на рост числа террористических актов.

Ретроспективный анализ позволяет выяснить, что история Северного Кавказа как важной и неотъемлемой части кавказского макрорегиона представляет собой постоянную нестабильность, перманентные конфликты, наличие социально-демографических трансформаций и движений наряду с углубляющимся неравенством доходов. Однако следует обратить особое внимание на локальные конфликты на Северном Кавказе и их генезис для понимания размытого процесса анклавизации. Сами по себе они были инициированы в определённую историческую эпоху на Кавказе, когда субъекты должны были определенным образом завоевать и сохранить свой суверенитет. При ослабленном институте государства в постсоветский период наряду с отсутствием четко сформированного механизма, обеспечивающего функционирование сдерживающих факторов со стороны Центра, местные элиты на Кавказе почувствовали ослабление центральных институтов власти (федерального центра). Поэтому власть постепенно перешла к локальным этнократическим группировкам полукриминального типа.

В подобных условиях новые субъекты Российской Федерации на Северном Кавказе получили ряд своеобразных преференций, выраженных в виде функционала, заключающегося в самостоятельном принятии решений, который наложился на отсутствие у федерального центра полной картины происходящих на Кавказе событий. В частности, это проявилось в условиях самых кровопролитных конфликтов в регионе постсоветского периода – чеченского и осетино-ингушского. В последнем следует откровенно признать и учесть роль осетинских криминальных группировок, поскольку на вырученные деньги от продажи спиртных напитков было закуплено вооружение. Из этих финансовых средств также выплачивались «гонорары» за участие в боевых действиях.

Одновременно с этим начало американской мировой кампании против террора (с 2001 г.) усилило интерес политических аналитиков к конфликтам в макрорегиональных асимметричных системах, соответственно, с асимметричными игроками или акторами. В обзорной работе Л.В. Дериглазовой анализируется термин «асимметричный», ключевой для характеристики нерегулярных военных действий (*irregular warfare*), под которыми понимают насильственную борьбу между государством и

негосударственными игроками за власть и влияние на соответствующее население [Дериглазова 2010]. Важно отметить, что здесь зафиксировано смещение в определении участников военных действий (государство и негосударственные игроки) и целей военных действий (от нанесения военного поражения противнику к завоеванию доверия местного гражданского населения, интересы которого стремятся защитить противники). Спектр подобных характеристик особо актуален для Северного Кавказа постсоветского периода.

Безусловно, социально-экономические процессы постперестроечного времени способствовали генезису конфликтов на Северном Кавказе после развала СССР. В это время значительное количество молодых людей не были обременены ни работой, ни образованием. Система высшего профессионального и среднего специального образования на Кавказе испытывала серьезный кризис, в силу региональной специфики еще более острый, чем в целом по стране.

Для сравнения следует отметить, что в самый стабильный для Северного Кавказа период развития – в 1970-е гг. – в регионе активно шли процессы урбанизации, при этом количество высших учебных заведений и обучающихся в них студентов стремительно увеличивалось. Например, только в двух вузах Грозного (Грозненском государственном нефтяном институте им. М.Д. Миллионщикова и Чечено-Ингушском государственном университете имени Л.Н. Толстого) в данный период обучалось 12 тысяч студентов. За 10 лет, прошедших с момента восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г., численность чеченцев с высшим образованием возросла в 70 раз. К концу 1960-х гг. локальные северокавказские культуры были преимущественно секуляризованы. Урбанизованное население развитых равнин Кавказа имело трудности в восприятии традиционных горских народов. Этот период развития Кавказа может характеризоваться как наиболее устойчивый, прошедший без этнических депортаций, массовых репатриаций, а также серьезных трансформаций административно-территориальных границ, сопровождавших предыдущий этап его развития, начиная с 1920 г. и вплоть до начала «оттепели». Заключительным шагом перекройки административных границ стало присоединение Майкопского района к Адыгейской автономной области в 1962 г., после чего вплоть до начала распада СССР они оставались неизменными. При этом Кавказ в 1970-х гг. оставался локальной зоной без острой конкурентной борьбы внерегиональных акторов, лишь в редкие моменты (в частности, в связи с репатриацией турок-месхетинцев в Грузию) привлекая внимание мировой политической элиты.

Поэтому новый этап становления современной российской государственности после распада СССР стал «шоковым» периодом, сопровождающимся межэтническими конфликтами, нередко принимавшими форму вооруженной борьбы. Свою роль в этом играли социально-психологические особенности региона. К ним, например, следует отнести значительную по численности долю молодого незанятого населения северокавказских республик постсоветской России, воспитанного в традициях

спорта, прежде всего, силовых единоборств. Рекрутирование новых общественных лидеров на Кавказе нередко происходит через спортивные организации, которые осуществляют функции взаимопомощи в приобретении жилья, организации ритуальных процессов и других важных социальных и социокультурных вопросах. Они также располагали значительной материально-технической базой, предоставляя кадры в криминальные структуры постсоветской России.

Интересным аспектом зарубежных исследований по вопросу проблемности Кавказа является экономическая депривация региона, которая так же была в большей степени сопряжена с республиками Северного Кавказа. Польский эксперт Л. Бужинский подчеркивает, что к началу XXI в. детская смертность была в три раза выше, чем в среднем в Западной Европе, а продолжительность жизни мужчин снизилась с 63,8 лет в 1990 г. до 55,5 лет в 2002 г. [Buszynski 2003: 19]. Безработица изначально не была ключевой проблемой после распада СССР, поскольку, как отмечает К. Цёркер, «...только в стадии эскалации конфликта безработица стала массовым явлением» [Zurcher 2007: 187].

В этой связи ранее упоминаемый Дж. Минахан делает интересный вывод, сравнивая столь непохожие политические и экономические траектории развития новой России (и её Северного Кавказа) и постсоветской Грузии, которую покинуло свыше 1 миллиона дипломированных специалистов к 2001 г. Автор заключает: оба государства действовали в пику друг другу, что только усилило эффект стремительно расползающейся нестабильности [Горюшина 2016: 153]. С точки зрения Минахана, поощрение Горбачевым национализма на Кавказе спровоцировало не только эмоциональную политику Грузии по отношению к постперестроечной России, но и создало проблемы во взаимоотношениях между грузинами, осетинами и абхазами, инициировав соответствующие конфликты в регионе [Minahan 2009: 266].

Американский ученый индийского происхождения Х. Пеймани, известный своими работами в области изучения взаимосвязи терроризма и конфликтов, обращает внимание на тот факт, что несмотря на сравнительно недавние конфликты начала 2000-х гг. на Кавказе, период нестабильности не завершён. Напротив, он подчеркивает латентный характер многих настроений в национальных республиках Кавказа, которые необходимо изучать в рамках единого кавказского региона без дифференциации на Северный или Южный Кавказ.

Таким образом, многие зарубежные исследователи ассоциируют Кавказ с единым полем перманентного насилия и политической нестабильности, не уделяя во многом должного внимания изучению глубинных причин эскалации конфликтов, акцентируя внимание либо на социально-экономической составляющей, либо на вопросах террористической деятельности. Безусловно, с точки зрения иностранных исследователей одним из важнейших конфликтогенных факторов в регионе является антагонизм христианства и ислама, что затрудняет налаживание диалога и объективную оценку исторических процессов. Важнейшим противоречивым элементом изучения

кавказского региона выступает искаженное (нередко в политических целях) отражение событий в исторической памяти с формированием её «гордыевых узлов».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Горюшина 2016 – *Горюшина Е.М.* Изменения международной конъюнктуры и внутренняя нестабильность на Северном Кавказе // Пути к миру и безопасности. – 2016. – № 2 (51). – С. 152-155. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/14_Goriuchina.pdf (дата обращения: 22.07.2018).

Дериглазова 2010 – *Дериглазова Л.В.* Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. – Т. 9. – № 2 (26). Май–август 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/006.htm> (дата обращения: 22.07.2018).

Ибрагимова 2009 – *Ибрагимова З.Х.* Царское прошлое чеченцев: Власть и общество. Политика и экономика. Наука и культура. – М.: Пробел-2000, – 2009. URL: <https://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/11320-carskoe-proshloe-chechencev-v-treh-knigah.html> (дата обращения: 22.07.2018).

Сызранов 2013 – *Сызранов А.В.* Раскол духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и образование региональных муфтиятов в постсоветской России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – №. 4. – С.13-17.

Шихсаидов 1999 – *Шихсаидов А.Р.* Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №. 4. URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_18_shihsaid.shtml (дата обращения: 22.07.2018).

Bobrovnikov 2001 – *Bobrovnikov V.* Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus // Middle Eastern Studies. – 2001. – Vol. 37. – No 4. – P. 1-24.

Buszynski – *Buszynski L.* Russia and the commonwealth of independent states in 2002: Going separate ways // Asian Survey. – 2003. – Vol. 43. – No 1. – P. 15-24.

Gammer 2008 – *Gammer M.* (ed.). Ethno-nationalism, Islam and the state in the Caucasus: post-Soviet disorder. – Abingdon: Routledge, 2007. – 233 p.

Jersild 2000 – *Jersild A.* Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the “Small Peoples” of the Middle Volga and the North Caucasus // The Russian Review. – 2000. – Vol. 59. – No 4. – P. 512-529.

King 2008 – *King C.* The ghost of freedom: a history of the Caucasus. – Oxford-New York: Oxford University Press, 2008. – 290 p.

Minahan 2009 – *Minahan J.* The former Soviet Union's diverse peoples: a reference sourcebook. – Santa Barbara-Denver-Oxford: Abc-Clio, 2009. – 389 p.

Zurcher 2007 – *Zurcher C.* The post-Soviet wars: Rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus. – New York: NYU Press, 2007. – 308 p.

REFERENCES

BOBROVNIKOV V. Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus. IN: Middle Eastern Studies. – 2001. – Vol. 37. – No 4. – P. 1-24. (In English)

BUSZYNSKI L. Russia and the commonwealth of independent states in 2002: Going separate ways. IN: Asian Survey. – 2003. – Vol. 43. – No 1. – P. 15-24. (In English)

DERIGLAZOVA L.V. *Asimetrichnyi konflikt v sovremennoi amerikanskoi politologii* [Asymmetric Conflict in Modern American Political Science]. IN: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes]. – Vol. 9. – No 2 (26). May-August 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/006.htm> (date of access: 22.07.2018) (In Russian)

GAMMER M. (ed.). Ethno-nationalism, Islam and the state in the Caucasus: post-Soviet disorder. – Abingdon: Routledge, 2007. – 233 p. (In English)

GORYUSHINA E.M. *Izmeneniya mezhdunarodnoi kon'yunktury i vnutrennyaya nestabil'nost' na Severnom Kavkaze* [Changes in the International Situation and Internal Instability in the North Caucasus]. IN: *Puti k miru i bezopasnosti* [Ways to Peace and Security]. – 2016. – No 2 (51). – P. 152-155. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/14_Goriuchina.pdf (date of access: 22.07.2018). (In Russian)

IBRAGIMOVA Z.Kh. *Tsarskoe proshloe chechentsev: Vlast' i obshchestvo. Politika i ekonomika. Nauka i kul'tura* [The Tsarist past of the Chechens: Power and Society. Politics and Economics. Science and Culture.] – Moscow: Probel-2000, – 2009. URL: <https://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/11320-carskoe-proshloe-chechencev-v-treh-knigah.html> (date of access: 22.07.2018) (In Russian)

JERSILD A. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the “Small Peoples” of the Middle Volga and the North Caucasus. IN: *The Russian Review*. – 2000. – Vol. 59. – No 4. – P. 512-529. (In English)

KING C. *The ghost of freedom: a history of the Caucasus*. – Oxford-New York: Oxford University Press, 2008. – 290 p. (In English)

MINAHAN J. *The former Soviet Union's diverse peoples: a reference sourcebook*. – Santa Barbara-Denver-Oxford: Abc-Clio, 2009. – 389 p. (In English)

SHIKHSAIDOV A.R. *Islam v Dagestane* [Islam in Dagestan]. IN: *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. – 1999. – No 4. URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_18_shihsaid.shtml (date of access: 22.07.2018) (In Russian)

SYZRANOV A.V. *Raskol dukhovnogo upravleniya musul'man Evropeiskoi chasti SSSR i Sibiri (DUMES) i obrazovanie regional'nykh muftiyatov v postsovetskoi Rossii* [Split of the Muslims' Spiritual Board of the European Part of the USSR and Siberia (DUMES) and the formation of regional mufties in post-Soviet Russia]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]. – 2013. – No 4. – P.13-17. (In Russian)

ZURCHER C. *The post-Soviet wars: Rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus*. – New York: NYU Press, 2007. – 308 p. (In English)